

Деятели въ области изученія древне-русскаго церковнаго пѣнія.

Наше древне-русское церковное пѣніе представляет собою одно изъ глубочайшихъ произведеній нашего народнаго творчества. Гармонизація его на началахъ своеобразной народной музыки, съ которой оно связано узами самаго близкаго родства, уже дала блестящіе результаты въ видѣ духовно-музыкальныхъ произведеній новѣйшихъ композиторовъ, которые мало по малу подходятъ къ созданію національно-русской церковной музыки. Но вся эта современная художественно-музыкальная литература обязана своимъ возникновеніемъ и разцвѣтомъ главнымъ образомъ археологическимъ изысканіямъ не многихъ тружениковъ, которые помогли установленію и укрѣпленію чисто русской музыкальной теоріи, представляющей изъ себя синтезъ нашей народной пѣсни и нашего древняго церковнаго пѣнія.

Съ первыми попытками изложить въ системѣ нѣкоторые факты изъ исторіи церковнаго пѣнія мы встрѣчаемся въ концѣ XVIII вѣка. Извѣстный духовный писатель, митрополитъ Евгений (Болховитиновъ), открываетъ собою небольшой рядъ изслѣдователей нашего церковнаго пѣнія. Его сочиненіе: „Историческое разсужденіе вообще о древне-христіанскомъ богослужебномъ пѣніи и особенно о пѣніи Россійскія церкви съ нужнѣйшими примѣчаніями на оное“ содержитъ, по большей части, выдержки изъ лѣтописей о первоначальной исторіи нашего церковнаго пѣнія. Въмѣстѣ съ вѣрными мыслями о „неестественномъ исторически направленіи православно-русскаго церковнаго пѣнія и о неестественномъ православному богослуженію характерѣ его“,

митр. Евгеній здѣсь высказываетъ рядъ положеній явно невѣрныхъ. Такъ, первый приведа извѣстное свидѣтельство Степенной книги о прибытіи къ намъ изъ Цареграда трехъ пѣвцовъ, „отъ нихъ же нача быти въ рускѣй земли ангелоподобное пѣніе, изрядное осмогласіе, наипаче же трисоставное сладкогласованіе и самое красное демественное пѣніе“, онъ дѣлаетъ выводъ, что до того времени русское церковное пѣніе не имѣло еще въ себѣ музыкальной *симфонической мелодіи* (?) и что съ приходомъ вышеупомянутыхъ пѣвцовъ появилось на Руси трехголосное пѣніе, которое утвердилось у насъ тогда же въ XI вѣкѣ. Въ другомъ своемъ сочиненіи онъ, утверждаетъ, что троестрочное пѣніе, принесенное къ намъ изъ Константинополя, „долго употреблялось на Руси, пока не ввелось 4-хъ голосное, 8-ми голосное, 12-ти голосное и даже 24-хъ голосное пѣніе“ ¹⁾. Едва-ли стоитъ доказывать, что подъ „трисоставнымъ сладкогласованіемъ“ разумѣть пѣніе хоровое есть глубокое заблужденіе. Византійская музыка, какъ и античная греческая, не знала гармоніи, ибо терція и секста—эти существенные интервалы гармоніи—признавались въ то время еще диссонансами. Ученіе о гармоніи возникло на Западѣ въ Средніе вѣка, но и здѣсь до XIII вѣка было въ зачаточномъ состояніи. Не чудно-ли, говоритъ Стасовъ ²⁾ по этому поводу, что въ Греціи уже въ XI в. умѣли искусно и превосходно сочинять пѣніе въ нѣсколько голосовъ, между тѣмъ какъ въ Европѣ даже въ XIII в. едва-едва умѣли ладить съ двумя или тремя голосами и то еще варварскимъ образомъ“. Отсюда ясно, на сколько невѣроятно сообщеніе митр. Евгенія о пѣніи въ древней Руси на 4, 8, 12 и 24 голоса.

По мысли митр. Евгенія, „демественнымъ пѣніемъ“ называется нѣкоторый древній напѣвъ, болѣе образцовый, чѣмъ знаменный, но имѣющій меньше *гармонической мелодіи* (?), нежели греческій. Примѣры онаго существуютъ еще и до нынѣ въ старинныхъ пѣвческихъ книгахъ, въ коихъ оно расположено на 3, 4, 8 и 12 голосовъ“. Но всѣ эти предположенія совершенно произвольны и ни на чемъ не обоснованы, такъ какъ демественное пѣніе не есть исключительно

¹⁾ Отецъ Зап. 1821 г. Ноябрь 151 стр.

²⁾ Стасовъ—Собр. Сочин. III т. 109 стр.

многоголосное и въ пѣвческихъ книгахъ встрѣчается чаще еще въ одноголосномъ изложеніи, а главное не осталось никакихъ памятниковъ древняго демественнаго пѣнія, о которомъ ведетъ рѣчь митрополитъ Евгеній, что не даетъ права дѣлать объ этомъ пѣніи тѣ или другіе выводы. Музыкальныя опредѣленія, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ митроп. Евгенія ¹⁾, свидѣтельствуютъ, что онъ не имѣлъ достаточныхъ музыкальныхъ познаній, приступая къ рѣшенію труднѣйшихъ вопросовъ первоначальной исторіи церковнаго пѣнія.

Бортнянскій, какъ серьезный музыкантъ и болѣе другихъ современныхъ композиторовъ сознававшій значеніе историческаго изученія нашего древняго церковнаго пѣнія, въ своемъ „Проектѣ объ отпечатаніи древняго російскаго крюковаго пѣнія“ настаивалъ на необходимости возстановить древне-церковное пѣніе въ подлинномъ его видѣ. Средствомъ къ этому должно служить, по его мнѣнію, издание образцовъ древняго російскаго пѣнія въ крюковой нотаци. „Тогда, по его словамъ, прекращены были бы и самовластная церковныя переправы и тогда можно было бы имѣть полный переводъ древняго церковнаго пѣнія, расположенный въ мѣрѣ, не разрушая мелодіи онаго, а сіе было бы самымъ прочнымъ основаніемъ контрапункта отечественнаго“. Къ сожалѣнію, проектъ Бортнянскаго остался только проектомъ.

Понятно, что безъ серьезной подготовки къ археологическимъ изысканіямъ, свѣдѣнія, коими располагали даже свѣдущіе люди касательно исторіи церковнаго пѣнія, были ограничены и часто сбивчивы.

Первыми болѣе или менѣе научными экскурсами въ темную область археологіи церковнаго пѣнія можно считать сочиненія: 1) *Ундольскаго* — „Замѣчанія для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи“ и 2) *Сахарова* — „Исслѣдованіе о русскомъ церковномъ пѣніи“. Это послѣднее представляетъ собою рядъ отрывковъ изъ рукописей, касающихся исторіи церковнаго пѣнія. Къ сожалѣнію, отрывки эти выбраны безъ всякой системы, весьма неполны и сопровождаются коммен-

¹⁾ Напр.: „система энгармоническая есть ничто иное, какъ шажеур, а хроматическая—mineur“. Журн. М. Н. Провс. 1849 г. № 8.

таріями, часто неудачными, свидѣтельствующими о недостаточномъ общемъ музыкальномъ образованіи ихъ автора. Въ этой своей статьѣ о древне-церковномъ пѣніи Сахаровъ, напримѣръ, утверждаетъ, будто „въ деместивномъ пѣніи были соединены греческіе напѣвы: дорическій, іонійскій, фригійскій и лидійскій и что все въ немъ совершалось на основаніи строя энгармоническаго и хроматическаго (?), при чемъ добавляетъ: „дѣйствительно ли это такъ—вопросъ самый трудный“¹⁾. Все это говорить, насколько скудными музыкальными познаніями обладали наши первые изслѣдователи музыкальной старины. Вслѣдъ за митр. Евгеніемъ Сахаровъ увѣренъ былъ въ существованіи у насъ уже въ XI вѣкѣ многоголоснаго пѣнія, которое впоследствии, по неизвѣстнымъ причинамъ, было затеряно. „Въ этомъ пѣніи, по его словамъ²⁾, столько совершенствъ, что возстановленіе его въ наше время было бы величайшею заслугою“. „Троестрочное пѣніе, говоритъ онъ, раздѣлялось на 4 рода—на пѣніе: четырехголосное, осьмиголосное, двадцатиголосное и двадцати-четырехголосное“. Свѣдѣнія эти, сообщаемыя при этомъ безъ всякихъ подтвержденій, по справедливому замѣчанію Стасова³⁾, невольно заставляютъ улыбнуться всякаго, кто сколько нибудь знаетъ музыку.

Ошибки первыхъ изслѣдователей исторіи церковнаго пѣнія, конечно, вполнѣ понятны, если принять во вниманіе, что ихъ труды представляли собою начальныя, робкіе шаги въ темную и неизслѣдованную область археологій церковнаго пѣнія.

Что касается „Замѣчаній для исторіи церковнаго пѣнія“ Ундольскаго, то историческія справки, приведенныя здѣсь, достаточно полны, безусловно вѣрны, а для послѣдующихъ изслѣдователей этой области многосодержательны.

Авторъ русскаго національнаго гимна А. О. Лъвовъ въ своемъ трактатѣ „О свободномъ и несимметрическомъ ритмѣ“ старался отстоять отъ покушеній современной музыки ритмическія особенности нашихъ древне-русскихъ мелодій, пы-

¹⁾ Журн. М. Н. Пр. 1849 г. № 8, 54 стр.

²⁾ Ibid стр. 55.

³⁾ Стасовъ т. III, 199 стр.

таясь вмѣстѣ съ тѣмъ выдвинуть на первый планъ священный текстъ пѣсношій, на который многіе композиторы, въ погонѣ за звуковыми эффектами, мало обращали вниманія. Подчиненіе древнихъ напѣвовъ музыкальному ритму, по мнѣнію Львова, влечетъ за собою „отрѣшеніе пѣнія отъ молитвы и разрушаетъ тѣсную связь между словомъ и мелодіей“.

Съ легкой руки этихъ послѣдователей первоначальныхъ судебъ исторіи церковнаго пѣнія и по стопамъ ихъ послѣдовали: Стасовъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій, Рязскій, Безсоновъ и др.

В. В. Стасовъ, авторъ многочисленныхъ статей по вопросамъ искусства, весьма интересовался и церковнымъ пѣніемъ. Имъ собраны были *матеріалы* по исторіи церковнаго пѣнія, которые и переданы были имъ профессору Московской Консерваторіи О. Дм. В. Разумовскому. Живя съ 1851—1854 г. за-границей, Стасовъ обратилъ вниманіе въ Парижской публичной бібліотекѣ на списокъ съ чрезвычайно рѣдкаго и единственнаго въ мірѣ манускрипта подъ именемъ „Святоградецъ“, трактующаго объ источникѣ нашего церковнаго пѣнія—греческой церковной музыкѣ. Такъ какъ вопросы церковнаго пѣнія въ ту пору очень занимали Стасова и онъ даже работалъ надъ приготовленіемъ къ печати сочиненія: „О Церковномъ пѣніи и церковныхъ хорахъ въ Россіи“, то онъ рѣшилъ снять точную копию съ этого любопытнаго манускрипта. Это дѣло было сопряжено съ большими трудностями по причинѣ значительной испорченности рукописи и трудности разобрать средневѣковый греческій текстъ. Тѣмъ не менѣе оно было прекрасно выполнено грекомъ *Симсономъ*, спеціально занимавшимся списываніемъ для иностранцевъ копій съ греческихъ рукописей, хранящихся въ Парижской публичной бібліотекѣ. Еще болѣе трудностей представлялъ переводъ этого манускрипта на русскій языкъ, въ виду значительныхъ пропусковъ въ текстѣ (отъ порчи), черезчуръ схоластическаго языка и массы вышедшихъ изъ употребленія музыкальных терминовъ, но и эта трудная задача была рѣшена вполне удовлетворительно, при помощи молодого русскаго ученаго Г. С. Дестуниса, спеціалиста по византийской исторіи и литературѣ. Копію съ „Святоградца“ Стасовъ пожертвовалъ въ Императорскую публичную бібліотеку въ полной и спра-

ведливой увѣренности, что это сочиненіе можетъ оказать большую услугу тѣмъ, кто занимается изученіемъ исторіи и теоріи русскаго церковнаго пѣнія.

Въ своемъ сочиненіи: „Замѣтки о демественномъ и трое строчномъ пѣніи“ Стасовъ даетъ довольно обстоятельныя и научно обоснованныя свѣдѣнія объ этихъ формахъ церковно-пѣвческаго искусства древней Руси, при этомъ доказываетъ, что въ XI в., въ Греціи, не было трехголосной музыки и что поэтому ни въ коемъ случаѣ нельзя допустить мысли о принесеніи такой музыки изъ Греціи въ наше отечество.

Кн. Одоевскій первый изъ русскихъ музыкантовъ обратилъ самое серьезное вниманіе на наши древніе рукописи о церковномъ пѣніи.* „Наши древнія рукописи о музыкѣ, писалъ онъ, никогда не были разработаны и даже теперь еще считаются большею частію недоступными и для археологовъ, и для музыкантовъ; первыхъ останавливаютъ техническіе термины и условные знаки нашего древняго музыкальнаго искусства, вторыхъ—самое чтеніе рукописей, написанныхъ и языкомъ, и буквами уже вышедшими изъ употребленія “¹⁾ Цѣлюю его занятій надъ этими рукописями, по его собственнымъ словамъ, было „уясненіе законовъ нашей древней музыкальной техники, какъ духовной, такъ и мірской“. Работая надъ ними, Одоевскій въ отрывкахъ древнихъ дидакаловъ XVI и XVII вв.: Шайдурова, Александра Мезенца и Тихона Макарьевского нашелъ цѣлую опредѣленную теорію нашей церковной мелодіи и гармоніи, хотя и сходную съ теоріей средневѣковыхъ западныхъ тоновъ, но въ то же время и имѣющую свои оригинальныя отличія²⁾. Плодомъ его изысканій въ этой области явился рядъ научныхъ положеній, имѣющихъ громадное значеніе въ вопросѣ о гармонизаціи древне-обиходныхъ мелодій. Одоевскій указалъ, что наши церковныя напѣвы хотя и напечатаны всѣ въ одинъ голосъ, но „на клиросахъ мы всегда слышимъ сочетанія, употребляющіяся по музыкальному гармоническому инстинкту русскаго народа и по преданію. Аккорды наши всегда консонансы. По свойству церковныхъ мелодій нѣтъ

¹⁾ Одоевскій — Къ вопросу о древне-русскомъ пѣвопѣвн 1864 г. 14 стр.

²⁾ Русское обозр. 1894 г. Мартъ 432 стр.

и мѣста для диссонансовъ, нѣтъ даже ни чисто мажорнаго, ни чисто минорнаго рода. Всякій диссонансъ былъ бы величайшею ошибкой, и исказилъ бы исполнѣ всю самобытность нашихъ церковныхъ напѣвовъ и ихъ строгій, всегда величественный и спокойный характеръ“¹⁾. Такъ какъ главная цѣль церковнаго пѣнія—отчетливо выговаривать слова молитвы, то въ церковныхъ напѣвахъ, по мнѣнію кн. Одоевскаго, не должно быть повторенія словъ, которыя должны быть одновременно произносимы пѣвцами. Здѣсь нѣтъ мѣста ни цвѣгистому контра-пункту, ни задержаніямъ или синкопамъ, потому что отъ нихъ смѣшались бы слова молитвы и затемнился бы текстъ священныхъ пѣснопѣній.

На основаніи этихъ положеній возникъ такъ называемый *строгий стиль гармоніи*, допускающій при гармонизаціи древнихъ напѣвовъ только одни діатоническія звукосочетанія въ виду діатоническаго строя обиходной мелодіи.

Кн. Одоевскому принадлежитъ нѣсколько цѣнныхъ изслѣдованій, посвященныхъ вопросамъ церковнаго пѣнія²⁾. Его многосторонняя общественная дѣятельность не дала ему возможности осуществить всѣхъ его глубокомысленныхъ плановъ въ области церковнаго пѣнія. Большая часть его работъ, разсѣянныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, имѣетъ видъ замѣтокъ; онѣ не рѣшаютъ намѣченныхъ вопросовъ во всей ихъ полнотѣ и требуютъ дальнѣйшей ихъ разработки; но мысли, въ нихъ высказанныя, всегда новы и оригинальны. „Если изслѣдованія Одоевскаго не могли дать осязательныхъ фактическихъ результатовъ въ сложныхъ вопросахъ церковнаго пѣнія, если они не могли содержать прочныхъ и неоспоримыхъ, болѣе или менѣе широкихъ, выво-

¹⁾ Труды 1-го археолог. съѣзда въ Москвѣ (1869 г.) М. 1871 г. 479 стр.

²⁾ Имъ написаны: а) „Къ вопросу о древне-русскомъ пѣснопѣніи“ М. 1864 г. б) „О пѣснопѣніи въ приходскихъ церквахъ“. Историч. свѣдѣнія о нашемъ церковномъ пѣніи. Домашн. Бесѣда 1866 г. Вып. 26 и отд. в) „Мнѣніе по вопросамъ, возбужденнымъ Министр. Народн. Просв. по дѣлу о церковномъ пѣніи“ М. 1866 г., г) „Къ дѣлу о церковномъ пѣніи“ Домашн. Бесѣда 1866 г. вып. 27—28; д) „Опыты въ предѣлахъ погласицы древне-русскихъ тетрахордовъ“ 1869 г. е) „О значеніи пѣнія, какъ образовательнаго и воспитательнаго предмета“. ж) Труды 1-го археол. съѣзда въ Москвѣ М. 1871 г. Здѣсь помѣщенъ рефератъ кн. Одоевскаго о церковномъ пѣніи. з) „Хоровое пѣніе въ Исаакіевскомъ соборѣ“. Спб. Вѣд. 1858 г. № 95 и отд.

довъ въ этой области, что, естественно, зависѣло отъ новостности дѣла и малой разработанности его, то неоспоримая однакоже заслуга его въ томъ, что онъ сумѣлъ затронуть и освѣтить самыя существенныя стороны этого дѣла, выяснитъ основныя положенія и указать руководящія мысли для дальнейшей разработки отечественнаго древняго церковнаго пѣнія“¹⁾).

Единомышленникомъ Одоевского въ вопросѣ о гармонизаціи древнихъ напѣвовъ былъ отецъ нашей самобытно-русской музыки—Глинка. Геніальный русскій композиторъ такъ же, какъ и Одоевскій, ясно сознавалъ все несоотвѣтствіе общепринятой въ его время гармонизаціи древнихъ напѣвовъ, покоившейся на основаніи новѣйшей теоріи музыки съ духомъ и характеромъ нашего церковнаго пѣнія.

Около Одоевского сгруппировался кружокъ ученыхъ музыкантовъ, къ которому принадлежали: Глинка, Воротниковъ, Потуловъ и др. Здѣсь горячо обсуждали вопросы музыкальнаго искусства и въ частности вопросъ о такой гармонизаціи нашихъ древнихъ напѣвовъ, которая бы вполнѣ отвѣчала ритму, движенію и строю ихъ мелодій. Требования, предъявляемая кн. Одоевскимъ къ гармонизаціи древнихъ напѣвовъ, нашли практическое осуществленіе въ произведеніяхъ Потулова, который и является однимъ изъ видныхъ представителей этого направленія. По нимъ можно судить и о достоинствѣ, и о недостаткахъ теоретическихъ положеній Одоевского относительно гармонизаціи древне-русскихъ обиходныхъ мелодій. Въ произведеніяхъ Потулова основная мелодія сохранена безъ всякаго измѣненія въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она записана въ богослужебныхъ пѣвческихъ книгахъ, а сопровождающіе ее голоса построены на діатонической гаммѣ въ простѣйшихъ трезвучіяхъ. Проходящихъ нотъ нѣтъ ни въ мелодіи, ни въ сопровождающихъ ее голосахъ. Правда, произведенія Потулова не пользовались особеннымъ успѣхомъ, но причина этого лежала не въ направленіи, а въ индивидуальныхъ особенностяхъ композитора. По словамъ Смоленскаго, бывшаго директора Придворной пѣвческой капеллы, „Потуловъ не былъ талантливъ и

¹⁾ Св. Металловъ — Очеркъ исторіи правосл. црк. пѣнія въ Россіи 127 стр.

способенъ къ творчеству, а только уменъ, скромнень, совершенно прилеженъ и доказателенъ въ своей работѣ. Онъ совершенно не позволилъ себѣ сколько-нибудь выйти изъ узкихъ рамокъ „чистаго трезвучія“ и, строго гармонизуя, ни разу не развернулся хотя въ какомъ-нибудь сильно прочувствованномъ порывѣ... Въ этой холодности, въ этомъ формализмѣ Потуловскихъ переложеній скрывалась вся причина ихъ неуспѣха“¹⁾).

Какъ ни скромны были результаты работъ вышеупомянутыхъ изслѣдователей музыкальной старины, тѣмъ не менѣе, пользуясь ими, *Рязскій* въ своемъ трактатѣ: „О происхожденіи русскаго церковнаго пѣнія“ пытается уже дать картину первоначальной исторіи церковнаго пѣнія на Руси. Путемъ анализа древнихъ нотныхъ книгъ онъ приходитъ къ заключенію, что онѣ перешли къ намъ отъ соплеменныхъ намъ южныхъ славянъ или списаны уже у насъ съ славянскихъ книгъ въ XI—XIII в.в., при чемъ устанавливаетъ, что, заимствовавъ у грековъ черезъ переводъ Октоихъ Дамаскина, славяне принесли его и къ русскимъ и сами же учили по нему пѣть нашихъ предковъ, ибо для обученія пѣнію по славянскимъ книгамъ необходимо учителями быть самимъ же имъ“. Осмогласное пѣніе, принятое нами въ нотныхъ книгахъ южно-славянскаго происхожденія, было извѣстно подъ именемъ *знаменнаго*.

Рязскій дѣлаетъ попытку объяснить происхожденіе и другихъ видовъ древняго церковнаго пѣнія: кондакарнаго, демественнаго и троестрочнаго. По его мнѣнію, „всѣ эти виды церковнаго пѣнія суть отрасли одного и того-же греческаго искусственнаго пѣнія, первоначальное происхожденіе котораго въ самой Греціи относится къ глубокой древности. Разность, которую мы замѣчаемъ нынѣ въ указанныхъ видахъ русскаго искусственнаго пѣнія—въ нотахъ и текстѣ, произошла отъ времени и свидѣтельствуетъ только о томъ, что греческое церковное пѣніе перешло къ намъ не вдругъ, а по частямъ, въ разное время“. *Кондакарное знамя*, прочитанье котораго пытаются, почти безъ надежды на успѣхъ, современные изслѣдователи исторіи церковнаго пѣнія, по мнѣнію Рязскаго, есть не что иное, какъ старое греческое демест-

¹⁾ Смоленскій—Обзоръ историческихъ концертовъ. 73 стр.

венное пѣніе, т. е. пѣніе искусственное, свободное. Оно существовало въ Россіи одновременно съ знаменнымъ — простымъ, уставнымъ, какъ его дополненіе. Оно-то и есть *троестрочное* пѣніе, которое въ Іоакимовой летописи называется *трисоставныхъ сладкогласованіемъ*. Эти попытки сближенія всѣхъ родовъ древняго церковнаго пѣнія: троестрочнаго, кондакарнаго и демественнаго нельзя признать однакоже удачными. Не говоря уже о совершенной бездоказанности предположеній Рязскаго, „нужно замѣтить, что нельзя сближать пѣніе кондакарное съ троестрочнымъ только потому, что то и другое неоднострочно: кондакарное пишется въ нѣкоторыхъ случаяхъ лишь въ 2 строки, но никогда въ 3 и ужъ, конечно, не можетъ заключать въ себѣ многоголосія, намекъ на которое Рязскій видитъ въ терминѣ „*троестрочное*“. Пока не изучены вполне напѣвы демества по рукописямъ XIV—XVII в.в., невозможно также произнести рѣшительнаго сужденія и о демественномъ пѣніи. Несомнѣнно, что съ древнимъ греческимъ демествомъ (если только оно существовало) византійскимъ наше демественное пѣніе не имѣетъ ничего общаго“¹⁾.

Не давъ вполне удовлетворительнаго рѣшенія вопроса о возникновеніи на Руси разныхъ родовъ церковнаго пѣнія, Рязскій тѣмъ не менѣе привелъ много данныхъ для выясненія его родословной.

Среди археологовъ, оказавшихъ существенныя услуги нарождающемуся нынѣ церковно-музыкальному искусству, безспорно самое выдающееся мѣсто занимаетъ 1-й профессоръ исторіи церковнаго пѣнія въ Московской Консерваторіи, протоіерей *Д. В. Разумовскій*.

Все свое свободное отъ пастырскихъ обязанностей время *Д. В. Разумовскій* посвящалъ, главнымъ образомъ, разработкѣ исторіи церковнаго пѣнія: изучалъ крюки, собиралъ свѣдѣнія по интересующимъ его вопросамъ въ разныхъ книгохранилищахъ,— мало того, тратилъ большія деньги на приобрѣтеніе нужныхъ рукописей?

Чтобы не быть подавленнымъ обиліемъ матеріала при этихъ занятіяхъ, требовались—смѣлый умъ, историческое

¹⁾ Преображенскій. — Очеркъ исторіи церк. пѣнія въ Россіи. Изд. 2. стр. 4 и 11.

чутье, хорошее общее образованіе,—всеми этими качествами о. Разумовскій обладалъ вполнѣ. Свидѣтели его археологическихъ изысканій поражались его удивительному умѣнью находить нужное и желаемое среди массы стараго хлама.

Какъ специалистъ по вопросамъ церковнаго пѣнія о. Д. В. Разумовскій въ 1858 г. былъ приглашенъ въ комиссію для разсмотрѣнія и исправленія нотныхъ церковныхъ сочиненій, а въ 1863 г. онъ же выступаетъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія съ рефератомъ: „О нотныхъ безлинейныхъ рукописяхъ церковнаго пѣнія“, который былъ напечатанъ въ журналѣ общества. Этотъ превосходный трудъ, основанный на первоисточникахъ, по отзыву князя В. Ѳ. Одоевскаго, долженъ служить исходнымъ пунктомъ для всякаго сколько-либо дѣльнаго сочиненія по этой части.

Въ 1866 г. о. Д. В. Разумовскій выпустилъ въ свѣтъ другое сочиненіе: „Объ основныхъ началахъ богослужбенаго пѣнія православной Греко-Россійской церкви“. Въ томъ и этомъ сочиненіи о. Разумовскій заявилъ себя серьезнымъ ученымъ и обратилъ на себя вниманіе музыкальнаго міра. Послѣ этого неудивительно, что, когда въ новооткрытой Московской Консерваторіи была учреждена кафедра исторіи церковнаго пѣнія, выборъ палъ ни на кого иного, какъ на о. Разумовскаго. И онъ вполнѣ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды.

Сдѣлавшись профессоромъ Консерваторіи, о. Разумовскій съ сугубымъ рвеніемъ занялся собираніемъ историческихъ матеріаловъ по церковному пѣнію и разъясненіемъ темныхъ вопросовъ его исторіи. Въ 1867 г. онъ уже приступаетъ къ печатанію своего капитальнаго изслѣдованія: „Церковное пѣніе въ Россіи. Опытъ историко-техническаго изложенія“. М. 1867—1869 г., которое его сразу выдвинуло и сдѣлало извѣстнымъ, какъ замѣчательнаго ученаго.

Результатами своихъ наблюденій о. Разумовскій часто дѣлился съ другими посредствомъ рефератовъ, читанныхъ имъ въ разныхъ обществахъ и публичныхъ лекцій ¹⁾.

¹⁾ Такъ на археологическихъ сѣздахъ въ Москвѣ имъ были прочитаны слѣдующіе рефераты: 1) Музык. дѣятельность кн. В. Ѳ. Одоевскаго (Труды 1-го археолог. сѣзда 1869 г.) 2) Церковно-русское пѣніе. Народно-мірское пѣніе и собственно музыка (Тамъ же), 3) Какое значеніе имѣетъ гармонія Потурова для пѣнія нашей Православной Церкви (Труды 3-го археолог. сѣзда въ Кіевѣ Т. 2).

Онъ принималъ также самое дѣятельное участіе въ управленіи богослужебныхъ нотныхъ книгъ, которыя печатались въ Синодальной типографіи (Трїодн постная и цвѣтная и учебный обиходъ), наблюдалъ за ихъ печатаніемъ, участвовалъ въ комитетѣ по разсмотрѣнію программъ церковнаго пѣнія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, редактировалъ „Кругъ древняго церковнаго пѣнія знам. распѣва“ (изд. Императорскаго Общества древней письменности), къ которому онъ приложилъ свое изслѣдованіе о знаменномъ распѣвѣ, и въ то же время, будучи уже протоіереемъ, не переставалъ рыться въ архивахъ, собирать матеріалы и печатать изслѣдованія по избранной имъ спеціальности. Такъ, въ 1868 г. имъ напечатано было интересное сочиненіе: „Патріаршіе пѣвчіе діаки и поддіаки“ (Археол. Вѣстн. 1868 г.), а значительно позднѣе: „Государевы пѣвчіе діаки“ (Полярн. Звѣзда 1881 г.) и разборъ рукописнаго сочиненія З. Дурова: „Опытъ исторической музыки въ Россіи“ (Отчетъ о 27 присужденіи награды гр. Уварова, Спб. 1885 г.). Въ 1886 г. протоіерей Д. В. Разумовскій выпустилъ въ свѣтъ новую книгу: „Богослужебное пѣніе православно-русской церкви“, представляющее отчасти сокращеніе, а отчасти переработку, въ цѣляхъ учебныхъ, его главнаго труда: „Церковное пѣніе въ Россіи“.

Наконецъ, незадолго до своей смерти, послѣдовавшей 2-го января 1889 г., онъ выступилъ на выставкѣ Общества поощренія трудолюбія съ публичной лекціей: „О церковномъ пѣніи“, которая была его, такъ сказать, лебединою пѣснью. Здѣсь о. Протоіерей Д. В. Разумовскій предъ многочисленной публикой подвергнулъ анализу существующіе распѣвы, указалъ на недостатки различныхъ распѣвовъ мѣстныхъ и постарался выяснитъ основы церковнаго пѣнія, причемъ настойчиво проводилъ мысль о необходимости исполненія церковныхъ пѣснопѣній по нотнымъ книгамъ. Свою лекцію о. Протоіерей иллюстрировалъ хорovýmъ исполненіемъ цѣлага ряда церковныхъ пѣснопѣній.

Менѣе, чѣмъ годъ спустя послѣ этой лекціи, 2 января 1889 г., о. Д. В. Разумовскій скончался. Вмѣстѣ съ нимъ ученый міръ лишился глубокомысленнаго и всесторонняго изслѣдователя въ области исторіи и археологіи церковнаго пѣнія, а Московская Консерваторія—опытнѣйшаго преподавателя.

Насколько важны сочиненія о. Разумовскаго, настолько же заслуживаетъ вниманія и его практическая дѣятельность, особенно его участіе въ изданіи нотныхъ пѣвческихъ книгъ. Исправленія, сдѣланныя Д. В. Разумовскимъ въ этихъ книгахъ, на основаніи точныхъ документовъ, приближаютъ его имя, по справедливому замѣчанію Ст. В. Смоленскаго, къ славному въ исторіи церковнаго пѣнія имени старца Александра Мезенца, справщика 1667 г.

Протоіерей Д. В. въ значительной мѣрѣ расширилъ свѣдѣнія по исторіи церковнаго пѣнія, добытыя трудами его предшественниковъ. Въ этомъ отношеніи особенно цѣненъ его трудъ: „Церковное пѣніе въ Россіи“. Сочиненіе это, удостоенное Археологическимъ Обществомъ серебряной медали, не только объединяетъ все, сдѣланное по исторіи церковнаго пѣнія предшественниками автора, но и открываетъ совершенно новые горизонты. Оно распадается на 3 отдѣла: въ 1-мъ излагается исторія богослужебнаго пѣнія древней христіанской церкви, во 2-мъ исторія одnogолоснаго пѣнія Русской церкви и въ 3-мъ исторія многоголоснаго пѣнія. Къ третьему отдѣлу приложена азбука столповой знаменн съ сборникомъ ѣтнниковъ и кокизъ и азбука демественнаго пѣнія.

О. Д. В. Разумовскій извлекъ все, что можно было извлечь изъ крюковыхъ и нотныхъ богослужебно-пѣвческихъ книгъ и теоретическихъ сочиненій Александра Мезенца, Тихона Макарьевскаго, Николая Дилецкаго и др. Въ своей книгѣ онъ расшифровалъ цѣлый рядъ незнакомыхъ до него музыкальныхъ знаковъ, изъяснилъ мало извѣстную до него систему крюкового нотописанія, для котораго онъ изобрѣлъ даже типографскій наборъ, установилъ точное понятіе объ осмогласіи, далъ характеристику каждому гласа, указавъ, какъ примѣнялась теорія восьми гласовъ въ томъ пми другомъ распѣвѣ и раскрылъ глубокую важность изученія древнихъ ладовъ для музыки будущаго. На основаніи отрывочныхъ свѣдѣній, добытыхъ имъ изъ рукописей, Д. В. Разумовскій нарисовалъ цѣлую, полную и живую картину постепеннаго развитія нашего церковно-пѣвческаго искусства.

Въ своихъ научныхъ работахъ протоіерей Д. В. Разумовскій встрѣтилъ большую поддержку въ лицѣ музыкально образованныхъ людей своего времени: В. В. Стасова, который передалъ собранные имъ матеріалы по исторіи церков-

наго пѣнія въ Россіи о. Разумовскому, кн. В. Ѳ. Одоевскаго, Н. М. Потулова и нѣкоторыхъ другихъ. „Всѣмъ памятенъ тотъ годъ, говоритъ Безсоновъ ¹⁾, когда въ приходской церкви протоіерея Разумовскаго, съ благословенія Митрополита Филарета, и, прибавимъ, съ одобренія присутствовавшего кн. Одоевскаго, хоромъ Синодальныхъ московскихъ пѣвчихъ, подъ управленіемъ Потулова, исполнены были пѣснопѣнія въ цѣломъ рядѣ послѣдовательныхъ церковныхъ службъ, предъ многочисленными и умиленными слушателями. То были пѣснопѣнія собственно тѣ же, какія мы читаемъ въ изданіи Синода, но въ ихъ исполненіи мы съ отраднымъ изумленіемъ встрѣчали уже сочетавшійся духъ отдаленной древности съ условіями текущей нашей минуты. Образцы эти оцѣнили и умъ почившаго Московскаго Іерарха въ его домовоі церкви, православное чувство встрѣчало ихъ неподдѣльными слезами самого простонародья при повтореніи въ Успенскомъ Соборѣ. Поэтому можно сказать: Филаретъ благословилъ, Одоевскій напутствовалъ, Разумовскій ввелъ насъ въ науку, а Потуловъ продолжалъ руководить на пути исполнительнаго искусства“.

Замѣчательные труды по исторіи церковнаго пѣнія и дѣятельность протоіерея Д. В. Разумовскаго не остались незамѣченными и высшей духовной школой. Московская Духовная Академія въ 1887 г. избрала и на актѣ 1-го октября торжественно провозгласила его своимъ почетнымъ членомъ.

Своими обширными познаніями въ области исторіи церковнаго пѣнія Д. В. Разумовскій любезно дѣлился со всѣми, кто интересовался этими вопросами. Такъ С. В. Смоленскій свидѣтельствовалъ, что ему о. Разумовскій оказывалъ „всѣвозможное вниманіе и содѣйствіе при всякомъ случаѣ въ видѣ совѣта, указанія, одобренія, справки и выписки изъ десятковъ источниковъ, даже выдачи драгоценныхъ рукописей и пересылки ихъ въ Казань“ ²⁾.

Написать первую исторію церковнаго пѣнія и не сдѣлать ошибокъ и промаховъ было-бы чудомъ. Поэтому неудивительно, что и въ замѣчательномъ трудѣ Д. В. Разумовскаго: „Церковное пѣніе въ Россіи“ нашлись нѣкоторыя неточно-

¹⁾ Правосл. Обзор. 1872 г. I. 124 стр.

²⁾ Душепол. Чт. 1890 г. № 1. 129 стр.

сти, которыя и были усмотрѣны критикой. Но въ общемъ всѣ отзывы о произведеніи о. Разумовскаго были для него благопріятны ¹⁾. „Трактатъ отца Разумовскаго, писалъ Ларошъ,—носить на себѣ всѣ признаки добросовѣстнѣйшей ученой работы“. Нѣкоторыя изъ положеній Д. В. Разумовскаго впрочемъ со временемъ были отвергнуты наукой. Такъ, на примѣръ, по вопросу о техническомъ устройствѣ нашего осмогласія современные историки церковнаго пѣнія уже расходятся съ о. Разумовскимъ.

По мнѣнію Д. В. Разумовскаго, наше осмогласіе основано на диатонической лѣстницѣ древне-византійскаго церковнаго пѣнія и наши гласы есть не что иное, какъ древне-греческіе лады. Все различіе нашихъ гласовъ зиждется на основаніи вращенія гласовой мелодіи въ предѣлахъ какого-либо тетра хорда или той или другой звуковой области. Въ каждомъ гласѣ есть какой-либо преобладающій—господствующій звукъ. Звукъ этотъ, повторяясь чаще другихъ, представляетъ собою какъ бы центръ, около котораго вращаются всѣ остальные звуки данной мелодіи. вмѣстѣ съ начальными и конечными звуками, также являющимися характерными для гласа, господствующій звукъ служить главной примѣтой гласа. Поэтому вся характеристика гласовъ у о. Разумовскаго сводилась къ механическому отыскиванію лишь звуковъ начальныхъ, господствующихъ и конечныхъ.

Подобное объясненіе происхожденія нашихъ гласовъ способно возбудить нѣкоторыя недоумѣнія. Въ самомъ дѣлѣ: почему въ теоретическихъ сочиненіяхъ по древне-церковному пѣнію, напр. въ „Азбукѣ“ Мезенца, не видно никакихъ указаній ни на византійскіе гласы, ни на тетра хорды? и были ли въ состояніи малоопытныя русскія пѣвцы древнихъ временъ, вѣроятно и не догадывавшіеся о тоновыхъ отношеніяхъ разныхъ гласовыхъ гаммъ, овладѣть сложной системой греческаго осмогласія и примѣнять ее къ русскому церковному пѣнію? Поэтому не безъ основанія нѣкоторые думаютъ, что древне-русскіе пѣвцы и составители церковныхъ пѣснопѣній, при недостаточности спеціальной пѣвческой подготовки, не только не руководствовались въ своей практикѣ теоріей греческаго осмогласія, но едва-ли съ нею

¹⁾ Русскія Вѣстн. 1869 г. Окт.; Музыка и Театръ 1867 г. № 15.

были и знакомы. При положеніи же на гласъ новаго церковнаго текста они просто брали характерные, типическіе для каждаго гласа, музыкальные обороты, или *попѣвки* и затѣмъ уже, комбинируя ихъ соотвѣтственно своему художественному вкусу, прилагали ихъ къ новому тексту.

Но если точка зрѣнія протоіерея Разумовскаго на происхожденіе нашихъ гласовъ и не признается въ настоящее время правильною, то большинство его научныхъ выводовъ является путеводною нитью для современныхъ историковъ церковнаго пѣнія въ ихъ археологическихъ изысканіяхъ.

Лучшей характеристикой Д. В. Разумовскаго и какъ ученаго, и какъ человѣка служить его отношеніе къ одному изъ критиковъ его „Церковнаго пѣнія въ Россіи“.

Съ 1870—94 г.г. въ Москвѣ проживалъ извѣстный писатель по вопросамъ древней музыки—Юрій Карловичъ Арнольдъ. Это былъ хорошій музыкантъ, теоретикъ и музыкальный критикъ. Ему принадлежитъ рядъ ученыхъ трудовъ по исторіи церковнаго пѣнія (о нихъ будетъ рѣчь ниже), которые, свидѣтельствуя о широкой эрудиціи автора, обширномъ знакомствѣ его съ средневѣковою музыкальною литературою, не могли однакоже равняться по своимъ научнымъ достоинствамъ съ произведеніями Д. В. Разумовскаго. Тѣмъ не менѣе Ю. К. Арнольдъ отнесся къ труду о Разумовскаго съ особенной критической строгостью и въ своихъ публичныхъ лекціяхъ: „объ историческомъ происхожденіи, мелодическомъ значеніи и акустическомъ устройствѣ нашего древне-церковнаго осмогласія“ отозвался о немъ очень рѣзко. Чтоже о Разумовскій? Выступилъ съ апологіей своихъ трудовъ? Написалъ ругательную отвѣдь своему критику? Нѣтъ. Спустя нѣсколько дней послѣ этихъ лекцій онъ самъ явился въ квартиру Арнольда, предложилъ ему свою дружбу и поддержку въ его работахъ по изученію православно-русскаго церковнаго пѣнія. И съ тѣхъ поръ сдѣлался руководителемъ Ю. К. Арнольда въ его ученыхъ трудахъ: снабжалъ его собранными имъ копіями съ древнихъ рѣдкихъ рукописей, дѣлился сдѣланными имъ выписками изъ нихъ. Какъ большой знатокъ греческаго языка, Д. В. Разумовскій помогаль новому другу своими разъясненіями древнихъ греческихъ авторовъ и, наконецъ, онъ же издалъ на свои

собственныя средства книгу Арнольда о церковномъ пѣніи, снабдивъ ее весьма лестнымъ для автора отзывомъ.

Такъ могъ поступить съ своимъ литературнымъ противникомъ только человекъ высокихъ душевныхъ качествъ и необыкновеннаго благородства. Объ его рѣдкой добротѣ свидѣтельствуешь и покойный директоръ Московской Консерваторіи Н. Рубинштейнъ, который не разъ говорилъ: „намъ все равно, сколько не платитъ батюшкѣ (Д. В. Разумовскому), потому что гонораръ за свои профессорскія занятія онъ оставить у насъ же въ пользу недостаточныхъ учениковъ“¹⁾.

Окидывая взоромъ всю жизнь и дѣятельность протоіерея Дмитрія Васильевича Разумовскаго, не знаешь, предъ кѣмъ больше преклоняться: предъ о. Разумовскимъ, какъ человекомъ рѣдкой доброты, или какъ ученымъ, который всю свою жизнь провелъ надъ собираніемъ, изученіемъ и систематизаціей матеріаловъ по исторіи древне-русскаго церковнаго пѣнія, послужившихъ фундаментомъ для церковной музыки будущаго.

Бывшій профессоръ славянскихъ нарѣчій въ Харьковскомъ университетѣ П. А. Безсоновъ раскрылъ глубокую связь нашего церковнаго пѣнія съ пѣніемъ народнымъ, съ произведеніями народнаго творчества, въ своихъ основаніяхъ близкаго къ церковному, доказательствомъ чего служить „однородность ихъ гаммы и одинаковыя условія для существующей при немъ гармонизаціи и партитуры (распредѣленія голосовъ) природной, творческой, первобытной и свободной“. Въ своемъ изслѣдованіи: „Изъ исторіи русскаго церковнаго пѣснопѣнія“ Безсоновъ отмѣтилъ главные этапы въ исторіи одногласнаго церковнаго пѣнія до времени изданія Св. Синодомъ богослужебныхъ пѣвческихъ книгъ въ линейномъ нотописаніи. Въ этомъ трактатѣ особенно подробно очерчена дѣятельность Ивана Шайдурова, Александра Мезенца и Тихона Макарьевскаго—этой знаменитой триады, своей дѣятельностью обнявшей всю область церковнаго пѣнія. Первый ввелъ въ систему знаменъ новый элементъ, такъ называемыя киноварныя помѣты, т. е. знаки, написанные киноварью, которые ставились при каждомъ нотномъ знакѣ и опредѣляли

¹⁾ Душечол. Чтеніе 1890 г. I, 131 стр.

его пѣвческое значеніе. Второй былъ главнымъ дѣятелемъ исправленія церковнаго пѣнія „на рѣчь“. Поставивъ себѣ цѣлю отстоять достоинства древне-русскаго церковнаго пѣнія, онъ очистилъ его отъ вкравшихся въ него недостатковъ и придалъ ему такой видъ, который наиболѣе соотвѣтствовалъ его достоинству и, наконецъ, третій, являясь продолжателемъ дѣла второго, успѣшно совершилъ переводъ знаменныхъ нотъ на линейную систему.

На ряду съ дѣятелями древняго времени Безсоновъ отмѣтилъ заслуги въ области изученія древне-русскаго церковнаго пѣнія и позднѣйшихъ дѣятелей: кн. Одоевскаго, Потурлова, протоіерея Разумовскаго и др.

Ему же принадлежитъ первый опытъ исторіи богослужебныхъ пѣвческихъ книгъ ¹⁾.

Не мало потрудился въ области изученія древне-русскаго церковнаго пѣнія также *Юрій Карловичъ Арнольдъ*, сынъ выходца изъ Германіи, но самъ православный. Имъ было много собрано и изучено матеріаловъ для рѣшенія важнѣйшаго вопроса въ исторіи церковнаго пѣнія: происходитъ или нѣтъ христіанское пѣніе отъ древне-эллинской музыки? Ю. К. Арнольдъ привлекъ массу историческихъ и теоретическихъ данныхъ, ведущихъ къ рѣшенію спорнаго вопроса, обнаруживъ при этомъ глубокую начитанность по части греческихъ и латинскихъ писателей о музыкѣ.

Въ своемъ сочиненіи: „Древніе греческіе гласы въ историческомъ и акустическомъ развитіи“ онъ съ замѣчательной эрудиціей излагаетъ древне-греческую музыкальную систему и ея всѣ стадіи развитія отъ временъ Пифагора до Среднихъ вѣковъ. Онъ пріурочиваетъ введеніе пѣнія по гласамъ къ четвертому вѣку, признавая за неопровержимый историческій фактъ, что четыре основные, или автентическіе гласа церковной музыки именно въ этомъ вѣкѣ вошли во всеобщее употребленіе у христіанскихъ общинъ какъ восточныхъ, такъ и западныхъ. „Благопріятное положеніе христіанскихъ общинъ со времени гражданскаго признанія ихъ религіи, постепенное развитіе религіознаго культа, переходъ въ церковь высокопоставленныхъ и образованныхъ членовъ античнаго міра, а вмѣстѣ съ ними вторженіе греческаго.

¹⁾ Правосл. Обзоръ. 1864 г. Ст.: „О судьбѣ нотныхъ пѣвческихъ книгъ“.

вкуса и культуры въ тогдашнюю христіанскую среду—все это не могло, по мнѣнію Арнольда, не отозваться и въ области церковнаго пѣнія, которому старались тогда дать обработку и техническій строй по образцу древне-греческой музыки“¹⁾.

Учредителемъ гласового пѣнія въ христіанской церкви Арнольдъ считаетъ Св. Василія Великаго. Въ первенствующей церкви господствовала полная свобода въ составленіи и исполненіи церковныхъ мелодій, а потому не могло быть и особеннаго порядка въ способѣ пѣнія. Св. Василій Великій положилъ начало упорядоченію церковныхъ напѣвовъ, подчинивъ ихъ опредѣленнымъ законамъ. Онъ воспользовался для этого четырьмя ладами современной ему греческой музыки, которые и послужили ему основаніемъ для четырехъ главныхъ ладовъ—автентическихъ. А отъ этихъ послѣднихъ произошло еще 4 другихъ гласа—побочныхъ, или плагальныхъ.

Съ востока, по мнѣнію Арнольда, гласовое пѣніе перешло и на западъ, гдѣ насадителемъ его былъ Св. Амвросій Медиоланскій. „Когда Св. Амвросій управлялъ съ 369 по 375 г. профектурой верхней Италіи, онъ принялъ св. крещеніе и былъ избранъ въ епископы Медиоланскіе. Въ этомъ санѣ его сердечно привѣтствовали архіепископъ Каппадокійскій Св. Василій, нареченный Великимъ. Св. Василій В. прислалъ Амвросію также и свои *уставы о литургіи* (*institutiones liturgicae*), которые послѣднимъ были переведены на латинскій языкъ и введены въ общинахъ медиоланской епископіи. Такимъ образомъ оказывается, что Амвросій долженъ былъ обучить свою паству *греческимъ гласамъ*, чтобы поставить ее въ возможность употреблять ихъ въ своихъ церквахъ. Что это дѣйствительно такъ было, о томъ свидѣтельствуетъ св. Августинъ слѣдующими словами: „тогда было установлено, для того, чтобы община не изнемогала въ страхъ и уныніи, пѣть гимны на манеръ восточныхъ общинъ“²⁾. Арнольдъ утверждаетъ, что „во второй половинѣ IV столѣтія литургическія пѣснопѣнія Восточной церкви исполнялись уже

¹⁾ Правосл. Обзор. 1878 г. III, 659 стр. Ст. „Новая книга по исторіи п. пѣнія“.

²⁾ Тамъ же—стр. 665—666.

весьма опредѣленнымъ, канонически установленнымъ. образомъ, въ тѣхъ самыхъ 4-хъ гласахъ, которые св. Амвросій ввелъ въ употребленіе въ Италіи и что тѣмъ самымъ эти гласы стали догматомъ церковнаго пѣнія“¹⁾).

Нельзя сказать, чтобы аргументы Арнольда были твердо обоснованы: предполагаемое имъ заимствованіе Западною Церковью у Восточной прежде введеннаго въ этой послѣдней гласового пѣнія утверждается на довольно неопредѣленныхъ историческихъ данныхъ и не можетъ быть признано несомнѣннымъ фактомъ. Пересылка Св. Василиемъ Великимъ литургическихъ уставовъ своей церкви Амвросію Медиоланскому не говоритъ еще о томъ, что Св. Василій Великій передалъ вмѣстѣ съ ними и систему церковнаго пѣнія. А если бы дѣло происходило и такъ, то еще требуется доказать, что въ епархіи Св. Василія В. церковное пѣніе было гласовымъ. Что же касается свидѣтельства Блаж. Августина о томъ, что при Амвросіи Медиоланскомъ было установлено „пѣть гимны и псалмы на манеръ восточныхъ общинъ“, то оно слишкомъ неопредѣленно, чтобы въ немъ непременно видѣть указаніе на гласовое пѣніе. При всемъ этомъ, мнѣніе Арнольда, приписывающее св. Василию В. честь перваго учредителя гласового пѣнія, можно признать вѣроятнымъ. Св. Василій В. получилъ свое образованіе въ центрѣ античной культуры—Афинахъ и былъ несомнѣнно знакомъ съ началами греческой музыкальной системы и ея ладами. Онъ вполнѣ могъ быть учредителемъ новой системы церковнаго пѣнія, которая тѣсно примыкала къ древне-эллинской музыкѣ.

Вопреки установившемуся мнѣнію, Арнольдъ придерживается той мысли, что древніе Греки имѣли нѣкоторое представленіе о законахъ гармоніи и пользовались ими въ своихъ музыкальныхъ произведеніяхъ. Отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что древнія христіанскія пѣснопѣнія и „въ гармоническомъ отношеніи также тѣсно примыкали къ древне-эллинской музыкѣ, какъ и въ отношеніи мелодіи“.

Въ своихъ трудахъ по теоріи древне-русскаго церковнаго пѣнія²⁾ Арнольдъ основываетъ свои сужденія не на практи-

¹⁾ Тамъ же—стр. 666.

²⁾ а) „Теорія древне-русскаго церковнаго и народнаго пѣнія“: Вып. I, б) „Теорія—православнаго церковнаго пѣнія“, в) „Гармонизація древне-

ческомъ изученіи духа и характера нашихъ древнихъ напѣвовъ, не на собственной ихъ конструкціи, а на византійской музыкальной теоріи. Основываясь на нѣкоторомъ сходствѣ византійскихъ и русскихъ мелодій, обнаруживающемся въ совпаденіи господствующихъ и конечныхъ тоновъ, Арнольдъ всячески старается приурочить русскія гласовыя мелодіи къ тому или другому гласу. Случайныя совпаденія нѣкоторыхъ мелодій знаменнаго распѣва съ тѣми или другими византійскими ладами окончательно укрѣпили Арнольда въ той мысли, что имъ найденъ совершенно вѣрный путь къ установленію генезиса нашего древне-русскаго церковнаго пѣнія. Понимая осмогласіе, какъ сколокъ 8 греческихъ ладовъ, Арнольдъ призналъ необходимымъ гармонизовать наши мелодіи по византійски, „на основаніи эллинской и византійской теоріи и на акустическомъ анализѣ“. „Онъ примѣняетъ къ церковнымъ мелодіямъ совершенно ту-же гармонизацію съ хроматизмомъ, диссонансами, модуляціями, септ-аккордами разныхъ видовъ, какаѣ въ ходу и въ современной западно-европейской музыкѣ съ тѣмъ различіемъ, что прилагаетъ при этомъ своеобразныя каденціи (каталексисы) въ ладахъ мажорномъ и минорномъ и при томъ — или на октавѣ и квинтѣ тоники, или же на октавѣ и квинтѣ доминанты, такъ что и сами каденціи эти ничего собственно новаго и особеннаго для современной музыкальной теоріи не представляютъ, какъ и вся система гармонизаціи не можетъ рассчитывать ни на оригинальность, ни на вѣрность почтенной классической и православно-русской древности, ни на практическую приложимость и плодотворность ожидаемыхъ отъ нея результатовъ“¹⁾.

Протоіерей І. І. Вознесенскій является однимъ изъ плодотвѣтнѣйшихъ писателей по вопросамъ церковнаго пѣнія²⁾.

русскаго церковнаго пѣнія“. г) „Примѣненія древне-Эллинской и Византійской теоріи музыки къ знаменному и столповому пѣнію“, д) „Общій сводъ правилъ гармонизаціи знаменнаго распѣва“, е) „Гармоническія начала церковныхъ гласовъ“, ж) „О принципѣ гармонизаціи церковныхъ гласовъ“.

¹⁾ Металловъ—Очеркъ исторіи правосл. церк. пѣнія въ Россіи изд. 3 183—184 стр.

²⁾ Имъ написаны: а) „О церковномъ пѣніи: Большой и малый знам. расп. въ 2-хъ вып., б) „О пѣніи въ православныхъ церквахъ греч. востока“, в) „Церковное пѣніе юго-зап. Руси“, г) „Осмогласные распѣвы

Въ своихъ трудахъ по историко-техническому изложенію роспѣвовъ православно-русской Церкви О. Вознесенскій основываетъ свой разборъ мелодики древнихъ напѣвовъ не на основаніи византійской музыки, а на анализѣ конструкціи и взаимоотношенія главныхъ и второстепенныхъ частей ихъ. Мелодическое разнообразіе напѣвовъ и мелодическіе обороты онъ старается вывести изъ болѣе крупныхъ мелодическихъ единицъ—изъ цѣлыхъ нотъ и ихъ простѣйшихъ группъ. „Методъ этотъ, какъ справедливо замѣчаетъ другой изслѣдователь древняго церковнаго пѣнія Протоіерей Металловъ,¹⁾ примѣнимый къ григоріанскому пѣнію и обычной музыкѣ, въ примѣненіи къ древнимъ русскимъ церковнымъ напѣвамъ встрѣчаетъ много затрудненій и еще болѣе недоразумѣній, въ виду того, что церковная мелодія, какъ произведеніе народнаго творчества, создавалась не аналитически, а синтетически, не въ области ума, а въ области религіозно настроеннаго чувства, подъ вліяніемъ религіознаго вдохновенія. Въ древнемъ знаменномъ роспѣвѣ такіе простые общепотребительные мелодическіе обороты, какъ *кулизмы*, не могутъ быть выводимы изъ болѣе простѣйшихъ мелодическихъ единицъ, цѣлыхъ нотъ; они сами суть первообразные мелодическіе типы, вылившіеся изъ устъ народа цѣликомъ, подъ вліяніемъ религіозно-пѣвческаго вдохновенія и священно-поэтическаго текста пѣснопѣній, оттого и крюковое начертаніе ихъ всегда одинаково, при одновременномъ мелодическомъ ихъ различіи въ разныхъ гласахъ. Такъ, несомнѣнно, создались и цѣлые напѣвы православно-русской церкви; такъ инстинктивно, безъ расчета и вычисленія, создалъ русскій народъ, извлекая изъ сокровищницы національнаго духа, и свою мірскую пѣсню“.

Къ сожалѣнію, О. Вознесенскій, изслѣдуя древніе напѣвы, беретъ ихъ не въ крюковомъ начертаніи, а въ изложеніи ното-линейномъ, которое не можетъ выразить едва уловимое для музыкальной теоріи мелодическое и гармоническое строеніе древнихъ напѣвовъ.

Наибольшую цѣнность имѣютъ работы Протоіерея Возне-

3-хъ послѣднихъ вѣковъ р. церкви“, д) „Методъ греко-слав. церк. пѣнія Іоанна де Кастро (перев. съ лат.)“ е) и нѣсколько журн. статей.

1) Металловъ—Очеркъ исторіи правосл. церк. пѣнія. 176 стр.

сенскаго по изслѣдованію позднѣйшихъ роспѣвовъ Православной Церкви: кievскаго, греческаго и болгарскаго.

Въ сочиненіи: „О пѣніи въ православныхъ церквахъ греческаго востока съ древнѣйшихъ до новыхъ временъ“ О. Вознесенскій затрагиваетъ цѣлый рядъ вопросовъ глубокой важности. Самъ авторъ дѣлитъ этотъ трудъ на 3 отдѣла, изъ которыхъ первый заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія „о внѣшней сторонѣ греко-восточнаго церковнаго пѣнія“, второй— „о мелодическомъ содержаніи, устройствѣ и характерѣ греческаго церковнаго пѣнія“, въ частности: объ основныхъ началахъ, законахъ и родахъ греческаго пѣнія, о тональностяхяхъ; осмогласіи, метрѣ и ритмѣ церковныхъ пѣснопѣній, о творческой и пѣвческой практикѣ: мелопѣѣ, обученіи пѣнію, о правилахъ исполненія, о выдающихся чертахъ греческаго церковнаго пѣнія въ сравненіи съ пѣніемъ западной церкви, а также о воспитательномъ и руководительномъ значеніи музыки и церковнаго пѣнія у грековъ. Третій отдѣлъ содержитъ краткую исторію, библиографію и семіографію греческаго церковнаго пѣнія. Въ исторіи этого пѣнія О. Вознесенскій различаетъ 6 періодовъ; онъ разсматриваетъ каждый періодъ отдѣльно, касаясь предмета церковнаго пѣнія, его мелодическаго состава, направленія и характера, способовъ и приемовъ исполненія, ритма и нотописанія.

Справедливость требуетъ сказать, что сочиненіе это не отличается особенно научнымъ характеромъ и не даетъ чего-либо новаго въ этой области, да и самъ авторъ не претендуетъ на это. По его словамъ, его произведеніе—„не самостоятельное изслѣдованіе и имѣетъ лишь цѣлю дополнить имѣющіяся въ другихъ сочиненіяхъ О. Вознесенскаго свѣдѣнія о пѣніи церкви вселенской и объ отрасляхъ греко-византійскаго пѣнія въ Россіи“. Повидимому, О. Вознесенскій слишкомъ полагался на авторитетъ Преосвященнаго Порфирія Успенскаго при написаніи своего изслѣдованія. Правда, Еп. Порфирій хорошо зналъ Христіанскій Востокъ. Путешествуя по Аѳону, Синаю, Египту и другимъ мѣстамъ греческаго востока, онъ собиралъ всевозможные рассказы о пѣніи и описывалъ, какъ поютъ Греки, но „будучи знаткомъ и любителемъ археологій, Еп. Порфирій не былъ специалистомъ въ области церковнаго пѣнія, поэтому, при всеобщемъ обиліи церковно-пѣвческихъ записей въ сочиненіяхъ его, у

него не замѣтно руководящаго, объединяющаго взгляда на эту важную отрасль церковной археологiи: свѣдѣнія о пѣніи у Еп. Порфирія случайны и при всей своей цѣнности требуютъ осмотрительнаго отношенія къ себѣ“ 1).

Не раскрылъ также въ своемъ сочиненіи О. Вознесенскій и той связи, которая существуетъ между нашимъ церковнымъ пѣніемъ и византійскимъ и вообще всѣ свѣдѣнія о греческомъ церковномъ пѣніи излагаются у него безъ отношенія ихъ къ русскому церковному пѣнію; тѣмъ не менѣе нельзя отнять у этого изслѣдователя той его великой заслуги, что въ вышеупомянутомъ сочиненіи собраны вмѣстѣ всѣ свѣдѣнія о греческомъ церковномъ пѣніи, разсѣяныя въ разныхъ книгахъ и замѣткахъ и что онъ первый далъ намъ большой трудъ о греческомъ церковномъ пѣніи.

Н. Соловьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).